

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН
ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

Москва
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
X15

Robert Heinlein

THE STAR BEAST

Copyright © 1954 by Robert A. Heinlein

Оформление серии А. Саукова

X15 **Хайнлайн, Роберт.**
Звездный зверь : [роман] / Роберт Хайнлайн. —
Москва : Эксмо, 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-699-81565-4

Предок Джона Томаса Стюарта много лет назад привез из космического полета милое и забавное существо — Луммокса. Но когда он вырос, власти забеспокоились. Размеры Луммокса превзошли все ожидания, и жизнь его оказалась в опасности.

Но однажды за ним прилетел космический корабль...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Колесников О., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81565-4

Глава 1
Л-ДЕНЬ

Скучно было Ламмоксу, скучно и хотелось есть. В последнем не было ничего удивительного: его соплеменники всегда готовы перекусить, пусть даже после хорошего обеда. Но то, что Ламмокс скучал, — случай действительно необыкновенный. А скучал он потому, что лучшего его приятеля, Джона Томаса Стюарта, весь день не было дома; тот где-то пропадал со своей подружкой Бетти.

Конечно, один день — не в счет. Один день Ламмокс мог обойтись даже без дыхания. Но он ведь прекрасно понимал, к чему идет дело. Джон Томас достиг таких размеров и возраста, что станет теперь проводить все больше и больше времени с Бетти или другими ей подобными и все меньше и меньше с ним, Ламмоксом. Затем предстоит довольно долгий период, когда Ламмокс не будет видеться с Джоном Томасом, а если и будет, то очень редко, но в конце концов должен появиться еще один, новый Джон Томас, который со временем подрастет и с ним станет интересно играть.

Из долгого своего опыта Ламмокс знал, что такие циклы неизбежны, от них никуда не де-

нешься. Только знание знанием, а все равно ближайшее будущее представлялось ему жутко тоскливым. Ламмокс вяло слонялся по двору, выискивая хоть что-нибудь стоящее внимания: кузнечика или там воробья — ему было все равно что. Он немного понаблюдал за муравейником. Муравьи, похоже, переезжали на новую квартиру. Бесконечной цепью ползли они в одну сторону, нагруженные маленькими белыми личинками, и обратно — порожняком. На такое вот увлекательное зрелище Ламмокс убил полчаса.

Когда глядеть на муравьев стало уж совсем тошно, Ламмокс пошел к дому. Поворачиваясь, он седьмой своей ногой наступил на муравейник и раздавил его, даже не заметив. В свой дом Ламмокс едва помещался, да и то — если заходить туда, пятясь. Домов этих у него было много: от теперешнего, самого большого, до самого маленького, дальнего, размером с конуру для щенка.

Рядом с домом стояли четыре копны сена. Ламмокс выдернул из ближней небольшой клочок и меланхолично его сжевал. Этим он и ограничился: возьмешь больше — заметят, а так никто не узнает. Ламмокс мог съесть всю копну, мог и вообще все сено, ничто ему вроде не мешало, но тогда Джон Томас уж точно рассердится и будет долго ругаться. А то на неделю или даже больше откажется чесать Ламмоксу спину граблями. Порядки в доме заведены были строгие: Ламмокс имел право есть только подножный

корм или то, что положили в кормушку. Приходилось подчиняться. Ламмокс не любил, когда на него сердились, а когда ругали — тем более.

Да и не хотелось этого самого сена. Сено вчера, сено сегодня, и завтра — тоже наверняка сено. Посущественнее бы чего, повкуснее. Ламмокс протопал к хилому заборчику, отделявшему задний двор от аккуратного садика миссис Стюарт, перевесил голову на другую сторону и вожделенно засмотрелся на розы. Значение этот заборчик имел чисто условное: линия, за которую нельзя. Как-то пару лет назад Ламмокс пересек эту линию и попробовал розовые кусты. Именно попробовал, самую малость, но миссис Стюарт устроила такое... даже теперь подумать страшно. Содрогнувшись от ужасных воспоминаний, Ламмокс торопливо отошел от забора.

Вот тут-то он и вспомнил другие розовые кусты — кусты, не принадлежавшие миссис Стюарт, и следовательно, ничьи. Росли они в саду миссис Донахью, их соседки. И был, вообще говоря, способ добраться до этих бесхозных кустов. Последнее время Ламмокс подолгу обдумывал этот способ.

Вокруг всего участка Стюартов шла десятифутовая бетонная стена. Ламмокс никогда не пытался перелезть через эту стенку, хотя и поотщипывал кое-где от ее верхнего края. Но в дальнем углу границу участка пересекала дренажная канава, и там в стене был проем. Проем задела-

ли здоровенной решеткой из деревянных брусьев восемь на восемь дюймов, скрепленных чудовищного вида болтами. Вертикальные брусья были вкопаны в дно канавы, и подрядчик, мастеровивший этот шедевр, убедил миссис Стюарт, что решетка Ламмокса остановит. Да что Ламмокса, она и стадо диких слонов сдержит. И вообще остановит любое существо, лишь бы оно не могло проскользнуть между брусьев.

Ламмокс знал, что подрядчик неправ, но его же никто не спрашивал — вот он и молчал. Что касается Джона Томаса, тот свое мнение тоже держал при себе, но, похоже, догадывался, что и как. Во всяком случае, он твердо наказал Ламмоксу не ломать эту решетку.

Ламмокс послушался. Конечно, он попробовал ее на вкус, но брусья пропитали какой-то гадостью, и вкус поэтому был хуже некуда. После этого он быстро оставил решетку в покое.

А вот за природные явления Ламмокс не отвечал. Еще месяца три назад он заметил, что весенние дожди так размывли дно канавы, что два вертикальных бруса теперь едва доставали грунта. Ламмокс несколько недель обдумывал такое положение вещей, а потом выяснил, что от самого легонького толчка брусья эти вроде как раздвигаются снизу. И очень похоже, что толчок посильнее раздвинет их на достаточное расстояние и, главное, решетка при этом совсем даже не будет поломана.

Ламмокс побрел проверить, как там сейчас. Последний дождь еще сильнее размыв дно ка-

навы, один из брусьев вообще висел теперь в нескольких дюймах от земли, а другой — едва ее касался. Ламмокс широко ухмыльнулся, под стать огородному пугалу, и тихонечко, осторожно-ненько просунул голову в щель между брусьями. И так же осторожно толкнул.

Наверху послышался громкий треск ломающегося дерева, и вдруг почему-то оказалось, что дальше голова проходит совсем свободно. Удивленный, Ламмокс вытащил голову из щели и посмотрел вверх. Один из брусьев сорвался с болтов и держался теперь только на верхней горизонтальной перекладине. Да, хорошенькое дело... но тут уж ничего не попишешь. Горевать над случившимся было бесполезно, да и вообще Ламмокс не имел такой скверной привычки. Как пить дать Джон Томас потом разозлится, но это потом, а на данный момент имелась дыра в решетке. Пригнув голову, словно игрок в регби, Ламмокс неспешно двинул в проем. Раздался страдальческий треск рвущейся древесины и резкие, словно выстрелы, звуки ломающихся болтов, но теперь Ламмокс не обращал на это внимания. Он был по другую сторону забора.

Тут Ламмокс помедлил, приподнял, наподобие гусеницы, переднюю часть тела, оторвав от земли первую, третью, вторую и четвертую ноги, и огляделся. На новом месте было очень интересно; и чего ради он не ходил сюда раньше. Ведь Джон Томас так давно не выводил его даже на короткую прогулку.

Ламмокс все еще оглядывался, вдыхая воздух свободы, когда на него невесть откуда налетел, захлебываясь от яростного лая, некий уж очень недружелюбно настроенный тип. Ламмокс сразу узнал его. Этот мощный даже для своей породы огромный мастиф, как и положено псубродяге, шнырял свободно по всей округе. Ламмокс частенько обменивался с ним оскорблениями сквозь только что уничтоженную решетку. Против собак как таковых Ламмокс ничего не имел; за долгую жизнь у Стюартов он довольно близко сошелся с несколькими из собачьей породы и считал, что с ними можно вполне прилично провести время — если, конечно, рядом нет Джона Томаса. Но тут был совсем другой случай. Этот мастиф воображал себя самым главным, гонял всех прочих собак, терроризировал кошек и не раз вызывал Ламмокса выйти наружу для честного, как собака с собакой, боя.

Ламмокс мило улыбнулся, широко раскрыл рот и шепелявым голосом маленькой девочки, который шел откуда-то из глубины его тела, назвал пса очень-очень обидным словом. Тот прямо-таки поперхнулся от возмущения. Сомнительно, чтобы пес смог понять сказанное Ламмоксом, но в том, что его оскорбили, он нисколько не сомневался. Оправившись от потрясения, пес с удвоенной яростью бросился в атаку. Он захлебывался от лая и носился вокруг Ламмокса, время от времени делая недвусмысленные

попытки вцепиться в одну из его многочисленных ног.

Ламмокс спокойно за ним наблюдал, не меняя позы и не делая никаких движений. Он только добавил к ранее сказанному вполне справедливое замечание относительно предков мастифа и другое, совершенно несправедливое, по поводу его интимных привычек; пес взбесился окончательно. И тут, завершая седьмой по счету обход своего врага, мастиф неосторожно оказался совсем близко к тому месту, где стояла бы первая пара ног Ламмокса, стой тот на земле всеми восемью ногами. Ламмокс выбросил голову вперед и вниз, как это делает лягушка, слызывая комара. Его пасть широко распахнулась, словно сундук, и мастифа как не бывало. Совсем неплохо, решил Ламмокс, прожевав и слотнув. Очень даже неплохо, особенно ошейник. Хрусткий такой. Заморив червячка, он было подумал вернуться и сделать вид, что никуда и не выходил. Но, с другой стороны, эти самые бесхозные розы, да и Джон Томас не скоро позволит ему снова выйти наружу — уж это точно. Ламмокс неторопливо пошел вдоль бетонной стены, обогнул угол и углубился во владения миссис До-нахью.

Джон Томас Стюарт XI вернулся только к обеду, по пути проводив домой Бетти Соренсон. Приземляясь, он обратил внимание на то, что Ламмокса нигде не было видно, и решил, что тот сидит в своем доме. Мысли Джона заняты

были не Ламмоксом, а тем старым как мир вопросом, почему прекрасная половина рода человеческого в своей деятельности не руководствуется логикой, во всяком случае — логикой, постижимой для разума мужчины.

Джон Томас думал поступать в Западный Политехнический, а Бетти хотела, чтобы они вместе пошли в университет штата. Он говорил, что не сможет изучать в этом университете нужные ему предметы, а Бетти, просмотрев университетский проспект, убеждала его, что сможет. Он ответил ей, что важно не название курса, а кто его ведет. В этом месте спор их зашел в тупик, так как Бетти отказалась считать Джона Томаса авторитетом в таких вещах.

Все еще размышляя о нелогичности женской логики, Джон Томас рассеянно расстегнул ремни своего ранцевого вертолета и как раз засовывал его на полку, когда в прихожую ворвалась мать.

— Джон Томас! Где *вы* были все это время?

Он отчаянно пытался сообразить, в чем дело. «Джон Томас» — очень плохой признак. «Джон» или «Джонни» — это нормально, «Малыш» — тоже. Но «Джон Томас» обычно значило предъявление обвинения с последующим судом и вынесением приговора в отсутствие обвиняемого.

— А? Мама, да я же тебе говорил за завтраком. Гулял с Бетти. Мы полетели...

— Это меня не интересует. Ты знаешь, что наделал этот твой зверь?

Все ясно — Ламмокс. Господи, лишь бы не мамин садик. Может, Лам опять завалил свой дом? Если так, мама скоро успокоится. И вообще, давно пора построить новый, побольше.

— А что такое? — осторожно спросил он.

— Что такое? И ты еще спрашиваешь?! Джон Томас, уж на этот раз ты просто обязан избавиться от него. Это последняя капля.

— Мам, да ты успокойся, — торопливо ответил Джон Томас. — Мы же все равно не можем от него избавиться. Ты обещала папе.

Мать ушла от прямого ответа.

— Ну, знаешь, если полиция звонит каждую минуту, а эта огромная свирепая тварь громит все, что ей попадется на пути...

— Как? Мам, подожди. Да Лам же совсем не свирепый, он ласковый, как котенок. Что случилось?

— «Что, что!» Он такого там натворил!

Мало-помалу Джон Томас вытащил из нее подробности. Ламмокс пошел прогуляться, это, во всяком случае, было ясно. Хорошо бы во время своей прогулки он не добрался до чего-нибудь железного; железо и сталь оказывают прямо-таки взрывное действие на его обмен веществ. Помнится, когда Ламмокс съел подержанный «Бьюик»...

Но тут Джон Томас снова услышал, что говорит мать.

— ...А миссис Донахью просто сама не своя. Еще бы — ее премированные розы!

А вот это уже совсем плохо. Джон Томас попытался вспомнить, сколько там в точности у него на счету в банке. И нужно будет обязательно извиниться и вообще как-нибудь утешить старую курицу. А Ламмоксу — по ушам. Топором. Тут уж никаких прости-пожалуйста, про розы он знал прекрасно.

— Слышь, мама, это все, конечно, ужасно. Я прямо сейчас пойду и вколочу кое-что в его тупую башку. Он у меня чихнуть побоится без разрешения. — Джон Томас обошел мать и направился к выходу.

— Куда это ты собрался?

— Как куда? К Ламмоксу, скажу ему пару ласковых. Сейчас я с ним разберусь...

— Погоди, можешь не торопиться. Его тут нет.

— Как? А где он? — Джон Томас молил про себя, чтобы если уж Ламмокс доберется до железа, так хоть съел бы не очень много.

Если подумать, в той истории с «Бьюиком» Ламмокс вовсе не виноват, и вообще машина, к счастью, принадлежала самому Джону Томасу, но все равно...

— Я не знаю, где он сейчас. Шеф Дрейзер сказал...

— Им занимается полиция?

— Это уж точно — занимается. Вся городская бригада безопасности гоняется за ним. Мистер Дрейзер хотел, чтобы я поехала в город и забрала его домой, но я сказала, что лучше дождусь тебя.

— Мама, да Ламмокс прекрасно бы тебя послушался. Он же тебя всегда слушается. А зачем мистер Дрейзер отвез его в город? Он же знает, что Лам живет здесь. В городе Лам совсем перепугается. Бедный малыш такой робкий, ему не понравится...

— Нашел бедного малыша! Никто и не думал отвезить его в город.

— Ты же сама сказала, что отвезли.

— Ничего я такого не говорила. Если ты замолчишь на секунду, я тебе все расскажу.

События рисовались следующим образом. Миссис Донахью застучала Ламмокса в тот момент, когда тот успел съесть в ее саду только четыре или пять розовых кустов. Проявив больше отваги, чем здравого смысла, она бросилась на него со шваброй и, жутко вопя, отходила его этой шваброй по голове. Она избежала судьбы мастифа, хотя и ее Ламмокс тоже мог запросто проглотить, если б не знал, что можно, а чего нет, не хуже любой хорошо воспитанной кошки. Люди — это не еда; к тому же люди чаще всего существа дружелюбные.

Оскорбленный в лучших своих чувствах, надув губы, Ламмокс уковылял прочь.

Объявился он минут через тридцать в двух милях от дома Стюартов. Стюарты жили в пригородном поясе Вествилла; от города их отделяла полоса сельской местности. Здесь, в этой полосе, и находилась ферма мистера Ито, он растил на ней экологически чистые овощи на потребу гурманам. Судя по всему, мистер Ито